

Л. Е. ЭЛИАСОВ

Протопоп Аввакум в устных преданиях Забайкалья

Имя протопопа Аввакума до сих пор живет в памяти русского населения Забайкалья.

Местные предания об Аввакуме носят самый различный характер. Одни из них повествуют о его жизни до «раскола», другие — о его поведении в период «бунта», третьи — о его страданиях, которые он пережил в результате преследования староверов со стороны царского правительства.

Впервые забайкальские предания об Аввакуме начал записывать сибирский фольклорист И. И. Веселов. В 1922 г., собирая генеалогические предания о русском населении Прибайкалья, он встретился в селе Исток-Котакеле с 98-летним старообрядцем (принадлежащим к так называемым семейским старообрядцам) Аристархом Прокопьевичем Рыжаковым (по прозвищу Буланый). Рыжаков тогда слыл за хорошего знатока старины, и он охотно рассказал И. И. Веселову предание «о жизни Аввакума до проклятого Никона».

Мово прадедушку того Аристархом звали. Он еще при московском царе Алексее Михайловиче жил. Крепкий старик был. От него и этот сказ идет. Прадед Аристарх знал нашего Аввакумушку, как брата родного. Про него он и сказ свой вел и велел про то баить. Пусть народец знат, кто Аввакумушка был. А рос он в деревне, бедным был, но до грамоты дюже охочий znalся. Когда матушка Аввакумушки померла, он пробиром от людей питался. Даром-то он хлеб не ел. От попа грамотеем стал. Кому писульку наклякает, тот ему помочь давал. Тем и жил, людям добро делал. Потом, когда Аввакумушка подрос, грамота ему еще пуще далась. Все божеские книги себе в памятку взял и других поучать пустился. Увидели люди, што от Аввакумушки польза идет, взяли да и поставили в церковь заместо попа. Он службу праведную вел, сам праведным был. Служил, служил Аввакумушка в церкви и тут приезжий архиерей наткнулся на церковь, а в то время он службу справлял. Видит архиерей, что поп толковый, подходит к нему и спрашивает:

— Где грамоте верной учился?

— Сам дошел, люди помогли, — сказал Аввакумушка.

Архиерей поглядел на попа и баит:

— Тебе тутока делать нечо, этим мужикам и псаломщика хватит. Поезжай со мной на Москву, со мной службу служить будешь, такому попу Москва рада будет.

Просказал это архиерей и велел Аввакумушке в путь собираться. А Аввакумушка того не хотел, ему родная деревня по душе ближе была. Вот он и говорит архиерею:

— Однако на Москву не пойду, тут мой пупок резан, здесь я и хорониться буду.

Архиерей тех слов слышать не хотел. Пришлось Аввакумушке собраться. А душа у него занывала, как ледок на нарыле,¹ предчувствие брало его, что неладное с ним будет на Москве.

Приехал Аввакумушка на Москву, и тут ему скоро чести много дали. Стал он служить службу в самой большой церкви. К архиереям и другим попам на богослужение не шли, а к Аввакумушке народ валом валил. Тут-то вот и озлились все архиереи и попы московские на Аввакума и стали на него доносы доносить, что-де, мол, новый поп Аввакумка блудом занялся, баб к себе чужих прельщает и других попов поносит. А тут откуда ни возьмись новый патриарх объявился, Никоном звали его. Тот Никон за праведную веру Аввакумушку стал канать, да так, что никакого житья от проклятого Никона не было. Вот так о жизни Аввакума до проклятого Никона мой прадедушка баил. А как дальше было, уж про то сами знаете.²

В примечании к данной записи И. И. Веселов указывает, что это один из распространенных вариантов предания о жизни и деятельности протопопа Аввакума до начала раскола. «Это предание, — пишет собиратель, — широко бытует у старообрядцев Забайкалья, особенно у той части, которая в прошлом веке переселилась из Бичуры к озеру Байкал и основала село Исток-Котакель. В разных вариантах его рассказывают не только глубокие старики, но и люди среднего возраста».

Дальше И. И. Веселов приводит записанный им вариант от 46-летнего рыбака Вихулы Анисимовича Худобенова.

Про Аввакума каждый из нас знает. Да как же про то не знать, ковыды он за нашу старую веру больше всех наших дедов пострадал! Он-то, ведь, наш брат по крови — сын крестьянский. Отец его, как и наши отцы, хлеборобством занимались; говорят, недалеко от Москвы батька его жил. Отец ему церковну грамоту сызмалетства дал. Когда отец помер, то Аввакум сам дошел до всех книг и писаний. В деревне наш Аввакум вырос, в ней он и духу мужицкого набрался. Дух-то мужицкий крепок, его обухом не перешибешь и колотушкой не выбьешь. Набрался разной грамоты Аввакум и сказал мужикам:

— Вернее нашей старой мужицкой веры нет. Ей наши деды верили, и мы должны почитать ее.

Вот наши деды и блюли ту веру, верой и правдой ее несли, за праведную веру можно хоть что сделать. Царь Алексей бытто бы Михайлович злой был, с нехристями связался, с заморскими ярыжками познался и давай от них разную непотребность на русской земле заводить. Узнал об том Аввакум и как верный крестьянский поп начал против непотребства царя мужикам с амвона говорить. Дескать кошке смех, а мышкам слезки, царю забава, а мужикам горе. Царю этой давай, другого подай, а где все это мужику взять. Заартачились мужики, не стали царя слушать. Царь о том узнал, вызвал к себе Аввакума и сказал патриарху:

— Ты, мой патриарх, пригрей коло моего двора протопопа Аввакума, корми его со своего стола, облачение давай доброе, он и перестанет народ мутить. А то от него беда большая идет.

Все сполнил проклятуший Никон, токмо Аввакум на своем стоял.

¹ Нарыло — длинный шест, орудие для подледного лова рыбы.

² Копия оригинала записи со всеми примечаниями собирателя находится у автора данной статьи.

— Ты негодник божий, Никон, пошто царю на меня хулу кладешь? — заговорил Аввакум. — Деды наши раньше поборов не платили, а теперь откуда их царь выдумал? Наущаешь ты царя против меня, а про то царь знат ли, что пращуры наши в добре жили и ничего царям не платили.

Тут Никон совсем озлобился и вместе с царем стали рушить старую веру. А опосля раскола все поругание за стару веру на голову Аввакума легла.³

В 1928 г. известный сибирский фольклорист А. В. Гуревич по следам И. И. Веселова снова побывал в Исток-Котакеле и в с. Гремячинске. Там ему удалось записать от сына Аристарха Прокопьевича Рыжакова, Алексея Аристарховича, одно предание, которое по своему содержанию несколько отличается от приведенных вариантов.

Протопоп Аввакум мучеником родился, мучеником и умер. Про его жисть мне как рассказывали: родители протопопа поумерли, когда Аввакум только ходить учился, значит ползунком еще был. Приютил его к себе дяк бездетный и начал его растить. Видит дяк, что из парнишки толк выйдет, стал к церковному делу учить. Парнишка видит, что дяк добрый и ласковый, тоже к нему крепко пристал. Долго ли жил Аввакум у дяка, не ведомо, но только когда он подрост, то услышал, что на Москве смута зачалась. Аввакум подался к Москве и там с объявленным атаманом Разиным встретился. Вот Разин и говорит ему:

— Слыхал я про тебя Аввакум, что ты умный поп ешь, горе наше тебе ведомо, пойдем на бояр, товда ты службу мне верную сослужишь.

— То можно, — ответствовал, — только я на бояр с крестом пойду, а ты с ружьем.

Стукнулся Разин с Аввакумом по рукам и пошли на бояр вместе. Как узнал про это Никон, сразу анафеме Аввакума предал, а всю стару веру порушить захотел, чтобы от нее поминок не было. Аввакум анафемы не убоаяся, он начал весь народ поднимать, чтобы бояр изничтожить и их патриарха Никона, которые никому житья не давали.

Так всю жисть Аввакум и прожил, все с боярами дрался, да за бедных людей страдал.

Во втором небольшом предании, записанном А. В. Гуревичем в с. Гремячинске от старого охотника Варфоломея Егоровича Вишнякова, рассказывается, что протопоп Аввакум с малых лет отличался любовью к чтению, хорошей памятью:

Книги Аввакум с малых лет читал. Но читка читке рознь. Аввакум как прочитает книгу, то потом всю ее на зубок знает и так ее толково толковал, что ни один архиерей с ним сравниться не мог. Ум ему самим богом и землей даны с пеленок. Богоданный ум потом, когда он попом стал, в его деяниях сказался, он сам многне книги писал. Все, что он писал, как по велению божию, все сполнялось Провидец он был большой. За это его царь и Никон не взлюбили и еще в молодости изжить хотели.⁴

³ Записал И. И. Веселов, село Гремячинск, ныне входящее в Прибайкальский аймак Бурятской АССР. Через 4 года собиратель снова встретился с В. А. Худобеновым и заново записал это же предание. Вторичная запись почти дословно повторяет приведенный текст. В конце предания сказитель лишь добавил, что «Аввакум протопоп верным мужицкой правде остался. Он тут у нас был и нам место для селения подыскал. Подальше от царя жизнь-то легче». Оригинал записи в 1937 г. передан собирателем в архив фольклорной секции Иркутского государственного краеведческого музея.

⁴ Тексты записей хранятся в материалах А. В. Гуревича

Много преданий о протопопе Аввакуме бытовало среди бывших староверов Бичурского, Мухоршибирского и Тарбагатайского аймаков Бурятской АССР, так как в этих районах сосредоточена основная масса населения семейских. О чем бы из своей истории ни начинали рассказывать семейские, они обязательно все сводят к деятельности протопопа Аввакума.

В Бичурском аймаке в 1936 г. нами было записано распространенное здесь предание. Рассказал его Мефодий Григорьевич Матвеев. Этого старика знали во многих районах Бурятии как большого мастера-сказителя. Приводим текст этого предания.

Давно это дело было, при царе Алексее Михайловиче. По всей нашей матушке-земле тогда смута большая ходила, кто против ково шел, сам бог не знал. Наши деды не шибко с царем якшались, они все больше в стороне были, а Москва сама собой жила. Так-то, может, наши мужики из Нижнего в стороне и остались бы, пусть бы тот царь — Ирод Михайлович хоть головой об стенку бился, но не тут-то вышло. Тогда на Москве бунты начались, кто соли просил у царя, кто от кнутов избавления искал. Царь всему воспротивился: соли не дал, а мужикам кнутов прибавил. Народ, что море: ргзволнуется — не уймешь. Вот и послал царь своих бояр по всей земле рекрутов себе набирать, харчей запасать, чтобы силу двору своему накопить. Приехал боярин Хиврин в Нижний, сход собрал и замолвил:

— Ноне наш царь Михайлович на всей русской земле порядок новый заводить будет. Старые молельни книги надо огню предать, попорчены они все. От этого дня весь русский люд должен на царский двор меда возить, хлеб доставлять и всяку другую рухлядь и харчи. Кто в послушанье пойдет и царю перечить будет, того на дыбы.

Послушал люд честной речи боярина Хиврина и молчок. Боярин посмотрел на всех и закричал:

— Чего, как бараны, головы опустили?

В Нижнем в то время попом был молодой протопоп Аввакум. Он отслушал гавканье боярина, подошел к ему рылу и говорит:

— Царю-батюшке от нас кланяйся, поклон передай, да только слово за нас замолви и скажи, што меда у нас нет, народ сам съел, а харчи деткам надо, и так столы наши оскудели, а книги, богом данные, мы чтим и по ним молимся, а сжигать надо новые книги, а старые берегчи пуще глаза единого.

— А ты кто, воевода али боярин новенький? — криком на попа заорал Хиврин.

— Поп я тут прихожий, народом ставленный, за него мне и пекчись велено. А ты, боярин, езжай и наше слово царю скажи, на том и сказ весь.

Боярин пуще прежнего на Аввакума осверепел, но народу кругом было много и ничего плохого с ним сделать не смог. Уехал Хиврин в Москву не солоно хлебавши, с пустыми руками, как рак с клешней. По приезду в Москву боярин царя дома не застал, вместо него в Москве царствовал нехристь Никон по фамилии Лизоблюд Антихристович. Вот тот чорт в рясе велел привести в Москву Аввакума. Холопы привезли праведного Аввакума во дворец, и тут сам бесов посланник Никон с него допросы снял. Вот он и спрашивает Аввакума:

— Ты к чему народ мутишь, рясу свою позоришь, царю немилости творишь?

— Ты пошто, мордва поганый, православну душу пытаешь? Ты, проклятый чортом, от идола на погрешение земли посланный, не

имешь права мне допрос учинять. — Взял Аввакум с размаху дверь хлопнул и Никону мягкое место пониже спины показал.

Никон-вероотступник тоже себе на уме был, взял созвал собор и проклял Аввакума, и велено было с бедного попа рясу снять и в монастырь заточить. Аввакума уволокли в монастырь и посадили в сырой подвал. Просидел он там лето и зиму, а на весну народ православный хватился, куда, дескать, поп праведный девался. Искали его, искали и нашли. Навалился народ на монастырь и выручил Аввакума на свет божий.

В это время царь в Москву вернулся, узнал про Аввакума и велел его снова в монастырь посадить, да покрепче стражу поставить. А Аввакум уж на свободе был, и ходил он по всем городам и деревням и проклинал царя-кровопийца и иуду Никона, за то что они веру наших отцов попрали и надо всем старым надругаются.

Долго царь с Никоном искал Аввакума, но найти не мог. Народ Аввакума скрывал, ведь он попом верным был и в обиду никого не давал. Смотрит царь, что так не изничтожить им Аввакума, взял да сказал он Никону, чтобы всех словить, кто за Аввакумом идет, да отсылать их с жилых мест в глухомань, где Макар гелят не пас. У царя челяди было много; разослал он их по всей русской земле. А таком поймать Аввакума так и не словчились. Тогда царь сказал своему верному боярину Хиврину:

— Езжай в Нижний, там всех земляков Аввакума слови. Ежели они тебе Аввакума не найдут и тебе его в руки не передадут, то всех огню и смерти предай.

Приехал боярин в Нижний, тысячи мужиков собрал и говорит:

— Давайте мне Аввакума, а то, мужики, вам плохо будет.

Мужики ему в ответ:

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Боярин на площади огонь разводил стал, перекалдин для петель наделал и только хотел нескольких сказнить, как к нему подошел сам Аввакум и говорит:

— Мужиков не трожь, они царю не помеха. Вези меня к царю, пусть он моей кровью упьется.

Народ со слезами проводил Аввакума в Москву. Там тоже народ не дал его сказнить. Царь посадил его к себе в подвал, а потом заковал в цепи и в Сибирь отправил. Здесь Аввакум много лет жил, а когда царь и Никон чорту душу отдали, значит здохли, то протопоп опять на Москву приехал. От старой веры он никак не отказался, и по его наказу наши деды ее справно справляли. Жил Аввакум до самой старой старости. Всю жисть он за бедных мужиков отдал.⁵

В том же 1936 г. в с. Бичуре от Исаия Ионовича Карпова записано предание, в котором, в частности, говорится:

... Как услышал Никон, что Аввакум его поносит, пошел и доклад царю сделал:

⁵ В год записи сказителю М. Г. Матвееву шел 84-й год. Он обладал прекрасной памятью и рассказывал, что «раньше тут один бахарь такой был, што про дела Аввакума мог неделями занимать. Фамилия тому бахарю была Никула Прохоров: он прожил лет около сотни. Его отца я тоже помню, он знатный посказатель был. Вся ихняя родова посказателями знались. От них я об Аввакуме много слышал, у них даже книжки протопопа были. Читать-то из наших раньше никто не умел. Я вот жисть прожил, а ни одной буквшки не знаю. Плохо это, паря. Вот Аввакум учился, так от него прок большой для людей был. Теперь-то народ умный идет, грамоту всем дают, како раньше Аввакум давал». Запись хранится у собирателя.

— Царь-государь, появился на Москве протопопишка Аввакум негодный, так он тебя так поносит, что грешнее тебя на земле человека нет.

Царь позвал себе стрельцов и указ учинил, чтобы Аввакума схватили, в колодки посадили и угнали подальше от людских глаз. Протопопа нашли, посадили в колодки, сначала в монастыре держали, потом заковали и сюда за Байкал на съедение зверям бросили. Но праведного бог бережет, и зверь жизни не помешает.

Прожил верный богу и людям Аввакум около Селенги, против Омудево́й горы, лет с десяток, а потом буряты с тунгусами его от стражи воеводской украли и на оленях за место своего шамана за Енисейсправадили. А там Аввакум со своими людьми повстречался и на Москву вернулся.

С тех пор Аввакума как ни проклинали Никон с царем, ничего сделать нельзя было. Народ-то весь знал, что Аввакум правильный человек, его и бог и народ сберегает. А кого бог и народ бережет, того ни царь, ни свинья не пошевелит.⁶

Следующее предание записано нами в с. Елань Бичурского аймака в 1936 г.

В старое царское время о протопопе Аввакуме у нас, у семейских, разное говорили. Все больше семейские на том сходились, что бедный протопоп с протопопицей и со всеми своими ребятишками за правду мужиков пострадал. Дело-то было так: царю надо было с Литвой войну вести, а ни денег, ни хлеба, ни людей не было. Вздумал царь к народу пойти и налоги у него просить. Так и сделал. Народ послушал гонцов царя и сказал: «Нам войны не надо, нам и своей земли хватит». Царь на своем стоял. Гонцы ездили долго и с пустой торбой воротились. Царь тогда еще молодым был, не стерпел обиду от народа и послал на него своих стрельцов. Давай они мужиков обирать: хлеб весь со дворов повывезли, скот к Москве погнали, холсты позабирали. Остался народ в чем мать родила. До чего бы дальше дело ушло, не знамо, но тут объявился от мужиков протопоп. Пошел Аввакум к царю во дворец, прошел в палаты белокаменные, стал перед нѣм и говорит:

— Горе всему русскому люду выпало, стрельцы твои всех мужиков обобрали, чем же дальше они животы свои держать будут?

Царь за такие слова протопопа покраснел, как рак, и закричал:

— На колени стань, кто так с царем говорит, не мужик я тебе.

Протопоп на колени не стал, а царю ответил:

— От пола до ушей далеко, так-то оно лучше слышать. Неужто, царь, все перед тобой должны гнуться?

Выбежал царь из палат, позвал своего дворецкого, приказал, чтобы стражу, которая пропустила Аввакума, выдрали, а его, протопопа, посадили в колодец и хлеба не давали.

Сидит Аввакум в колодеце день, другой, ни солнца красного, ни света белого — ничего не видит. С утра до самого вечера богу молится, ночью тоже молитвы читает.

⁶ В год записи И. И. Карпову исполнилось 72 года. Он совершенно неграмотный, всю жизнь прожил на заимках, работал пастухом или сторожем. «Раньше эта побасенка длинной была, всю ночь баил, теперь старой стал, малость забываться начал. Тут, паря, у нас один бывалый раскольник был, так тот про Аввакума подлинные дела знал, будто он его в лицо ведал али с ним с глаза на глаз баил. Тот говорцом большим знался, его как-то за басни про Аввакума при царе в полицею таскали, сослать хотели, да мужики здешне за него заступу держали. А то бедного мужика упекли бы в Нерчинск и концов не нашли бы». Запись хранится у собирателя.

Сидел Аввакум в том колодце на царском дворе долго. Ноги в крючье свело, язык чуть к зубам не примерз, а когда он снова перед царем стал, то сказал:

— За грехи твои, царь, я молился, душу твою перед господом богом очищал.

Царь взбесился за такую речь и дал указ, чтобы Аввакума посадили в соловецкую крепость, и там его до самой смерти на железной цепи держали. Так царские слуги и сделали. Царь Алексей Михайлович собачей смертью помер. После того протопоба выпустили на волю. Но долго походить ему не пришлось. Злой ирод Никон услышал, что Аввакум на слободе, и уговорил нового царя, чтобы его в Сибирь на каторгу сослали. Так царь с царицей и сделали. Заковали протопоба в цепи, к нему приковали протопопицу, а к ней рябятишек и повезли их к нехристам разным, на край света белого. Привезли протопоба к самому Амуру-реке, а оттуда завернули, да на голом Яблоневоом хребте жить оставили. Здесь он прожил подходище, зверей бил, птицу ловил, рыбой кормился. Тут в христианску веру он тунгусов и бурят приводил, рябятишек ихних крестил, тем и кормился.

Прошло много лет. Никона народ спихнул, Разин царя припугнул, чтобы он никому зла не чинил, и Аввакума вернули на Москву. А потом, когда Разю сказнили, Аввакума опять под землю, там он и скончался. Так он в мучении помер, а во славе жить остался и теперя живет.⁷

Подобное по содержанию предание записано в 1938 г. в Тарбагатайском аймаке от Якова Никитича Чебунина.

Не сладко жилось во древности нашим старикам, при царях Алексее Михайловиче, при Петре и при Катьке-распутнице. Всякое бывало, а хуже всех за веру, за правду и за честной народ наш родной Аввакум, царство ему небесное, пострадал. Проклятуций Никон, да и царь-недотепа, Алексей Михайлович, шибко над ним измывались. А за что? Да ни за что. За веру божескую стоял Аввакум, за правду хрестьянскую, да за правду дедов наших. Задумал царь на литваков войной пойтить. А где деньги взять, чем солдат кормить? Раз задумал, кто его мог отговорить? Никто. Разъехались царские слуги с народа деньги да хлеб собирать? А народ не дает. Кому хочется голодным сидеть, да без копейки денег? Царю донесли, что народ супротивничает. Царь осердился и послал войска, чтобы народ присмирить. А присмирять-то некого не было. Как войска показались, людей по своим домам. Приехал царский генерал во дворец и доложил Алексею Михайловичу:

— Народ твой не бунтует, тебя хвалит и за тебя молитву говорит.

Не успел сказать царь слова, как за дворцом стук, грохот поднялся. Видит царь, что народ за его душой пришел, оделся он в бедную монашку и был такой, убежал. Народ дворец не стал зорить, поставил он патриархом протопоба Аввакума, и тот стал молебень за здравие русской души служить. Отслужили молебень, и давай народ расходится. Все и везде затихло. Всяк занялся своим делом. Царь очу-

⁷ Записано от Тихона Антоновича Курдюкова, 68 лет, неграмотный. «Все это я раньше слышал от многих здешних мужиков. Про это не только семейские говорили, но и другие, православные. Говорят, будто Аввакум на том месте был, где теперя наша деревня Елань стоит. Он здесь кол забил, наши деды распознали его место и деревню поставили. Може, то и правда. Старики-то ведь все помнят про старину». Запись хранится у собирателя.

хался, видит, дело подоспело, собрал свою дворню и бояр и пошел во дворец. Застал он там одного протопопа.

— Ты чего тут делаешь? — спросил его царь.

— Обедни служу за здравие души русской, а вечёром за упокой царя Алексея Михайловича, он от перепуга богу душу отдал.

— Я есть царь, убирайся, самозванец! — Царь так закричал на Аввакума, что колокола зазвенели.

Аввакум-то не из трусливого десятка был, он говорит:

— Тебя на престол никто не садил, а меня народ заставил службу служить.

Царь позвал своих слуг и бояр. Когда народа не стало, так они храбро себя повели, и велел он заковать в кандалы Аввакума. Когда его заковали и повели, он сказал царю:

— Меня заковать легко, а вот народ-то с себя цепи снимет да на тебя оденет, каково тебе тогда будет?

Царь ударил Аввакума по зубам. Протопоп выплюнул зубы да прямо в лицо царю. Царь, бесстыдный, проморгался и будто ни в чем не бывало говорит боярам:

— Надо подальше Аввакума запрятать, ежели народ узнат, что он здесь — не сдобровать нам.

Увезли протопопа на самый север, где ни солнца, ни света. Там уговорил он казаков, чтобы его перевели за Байкал. Те мужики были и послушались его. Тут он прожил много годов. Места разузнал и нашим дедам велел здесь селиться.

Через много лет Аввакум попал в Москву. Когда царь узнал, то чуть со злости не лопнул. Заковали бедного протопопа пуще прежнего, увезли в монастырь каменный и там до самой смерти держали его взаперти. Там он и умер, а царю не поклонился и делу верным был, за которое наши деды тоже пострадали. Вот каким был Аввакум.⁸

В предании, рассказанном в с. Окино-Ключи Бичурского аймака Василием Степановичем Зуевым, говорится о причине раскола и о том, какое участие в нем принимал протопоп Аввакум.

В прежнее время старики много о расколе сказок вели. Котора из них более правдива, не знаю. Вот мой отец еще от прадеда такое про раскол рассказывал. При царе Алексее Михайловиче был патриарх-нехристь, чтоб ему провалиться в тартарары три аршина глубины, чтоб ему светлого дня не видать, как свинье неба, звали его Никон. Вот тот нехристь-идол забрал у царя доверие и давай все книги править, обряды изменять. То дико казалось. Вся жизнь наши деды по старым книгам молились, и никому от того зла не было, все в полном здравии жили и хлеб-соль ели. Узнал о том самый умный в то время русский поп Аввакум и сказал народу:

— Вся справа старых книг от дьявола идет, сам Никон сатаной на землю послан.

Вот Никон захотел проклясть Аввакума. Созвал он собор и начал проклинать протопопа верного. Прихожан было много. Никто за Никоню не повторял проклятых слов. Тогда Аввакум подошел к алтарю и давай проклинать Никона. За Аввакумом весь собор повторял. Так и проклинали Никона. С тех пор его анафеме предали. Никон друг был царю. Вот царь и захотел выручить Никона. Собрал

⁸ Я. Н. Чебунин всю жизнь прожил в родном селе. В год записи ему было 83 года. Это предание он воспринял от своего деда Изосима Чебунина. Запись хранится у собирателя.

царь свою челядь и второй собор устроил. Прокляли там Аввакума и отослали его подальше от царских глаз.⁹

В Мухоршибирском аймаке о протопопе Аввакуме бытовала как бы самостоятельная группа преданий, в которой повествуется «о злой участи мученика-протопопа». В одном из вариантов, распространенных среди старообрядцев Мухоршибири, говорится:

Никону помог царь, и они вместе порушили старую веру. Аввакума вместе со своей бабой и ребятишками в самую глухую глушь отправили к самому Амуру-реке. Тут и началась злая участь мученика протопопа. Привезли его казаки к Амуру и бросили на блах святых угодников, значит по-простому на съедение зверям. Аввакум печалиться не умел, унял он слезы протопопицы и сказал ей:

— Выживем мы и здесь, земля тут добра, да и охота богата, как-нибудь отмучимся немного, а там бог поможет.

Смастерил Аввакум плот из бревен, из иголок крючей нагнул и почал рыбенку ловить. Рыба ловилась добрая, хватало ее на всю семью. Вот как-то раз выехал на своем плоту Аввакум на середку Амура, а возмись да поднимись ветер. Плот перевернуло и Аввакум под ним остался. Одной молитвой почти протопоп спасся, а то не видать бы ему свету. Вылез Аввакум на берег и лежит. Да протопопицы далеко было, мочи нету идти. Тут, откуда ни возмись, по берегу тунгус и видит — человек лежит. Тунгус донес его до протопопицы и спросил:

— Откель ты взялся здесь и кто ты есь?

Аввакум ему рассказал, как он за веру пострадал и как его мучиться заставляют, как его извести хотят. Тунгус все понял и сказал:

— У нас тоже злые шаманы есть, они, как шакалы, на людей набрасываются, если кого не взлюбят. Пойдем к нам в тайгу, там отдохнешь, а потом мы тебя к белым людям отправим.

Аввакум послушался тунгуса и ушел со всей семьей к тунгусам. Там он прожил годика три, языку их научился, и стали его тунгусы за родного брата почитать.

Пока Аввакум жил у тунгусов, тут русские начальники себе чуть головы не поломали, куда, дескать, он девался. Сначала его шибко искали, хотели хоть кости найти, чтобы удостовериться, что изжили наконец неугодника новой веры. Искали, искали и ничегошеньки найти не могли. Потом казаки воеводе в Енисейск донесли, что пропал Аввакум, ни духу ни слуху о нем. Воевода царю донес, что протопопа больше в живых нет и весь его род выведен. На том бы и все кончилось, Аввакум про то не знал. На четвертое лето тунгусы привезли протопопа в Читу и сказали:

⁹ Записано в 1936 г. Сказителю тогда было 42 года. Он же исполнил песню о мученике Аввакуме:

«Ты не плачь, родная матушка,
Ты не бойся, родной тятюшка,
Аввакумушка сын твой мученик,
За веру праведну стоит, за христовую.
Раскуют кузнечики цепи вострые,
Снимут с Аввакумушки венки терновые,
Бог силу даст, во силе удержится,
Злому Никону на усмиреньце
Во неволюшке сидит сын божеский,
Он сидит, сидит да слово молвит всем,
Как его слова по Руси святой все расходятся.

— Дальше забыл, она длинна. Мой-то отец ее всю насквозь пел».

— Мы вам белого человека сохранили, пошто вы одного бросаете, так пропасть можно.

Воеводские начальники распознали Аввакума и донесли в Москву. Пока оттуда бумагу ждали, здесь над протопопом изгалялись, били его до полусмерти, на спине вырезали ремни, по волоску бороду щипали. Все мучение он переносил, но за старую веру стоял. Отдерут его плетями, он посмотрит на всех и снова двумя перстами молится. Такой уж он крепкий человек был. Потом его в Москву увезли, там и до смерти замучили.¹⁰

В аналогичном же варианте предания рассказывается, что Аввакум «терпел бедственную жизнь» во время ссылки не на Амуре, а на Селенге.

«Привезли протопопа с протопопицей на Селенгу, забросили на остров и там в нелюдимом месте жить оставили. Кромья мышшей, на том острове, недалеко от Омудевой горы, ничегошеньки не было. Загоревал Аввакум, запечалилась протопопица, как жить-то тут на лп-стоплесе можно. Подумал Аввакум Петрович и говорит жене:

— Не раздумывай много, печалью горю непомога. Давай лучше морды плести, лаву делать, да будет помаленьку хоть рыбешкой питаться.

Весь-то инструмент у Петровича был из одного ножа, которым хлеб рушат. Нарезал Петрович тальниковых прутьев, сплел морду, бревно в воду заволок и тоже прутьями к берегу привязал и так заедки сделал. Когда он все это смастерил, морду поставил, стал смотреть в воду и диву дался. Рыба так валом и валила, аж вода от нее мутнела. Смотрит Аввакум, что в морду рыбы битком набито, потащил ее на берег. Кое-как вместе с протопопицей они рыбу на берег выволокли. Посмотрели они на нее, как на кучу переливчатого серебра, и говорят друг другу: «себе немного оставим на еду, остальную в воду опустить надо, пусть живет. Понадобится — бог снова не обидит». Так-то вот и жил протопоп с протопопицей на острове. Вскоре они себе приручили утят, стали они их подкармливать, и утята вскоре утками стали и яиц им, бедным ссыльным, нанесли.

Года два прожил Аввакум на острове, но затасковал о хлебе, денно и ночью думал он о нем. На счастье, недалеко от острова казаки остановились. Увидали они на острове огонь и переплыли к Аввакуму. Казаки те знакомыми оказались, вместе они по Москве-городу гуляли, в церкви часто виделись. Обрадовались все они друг другу, взяли Аввакума с бабой на плот и перевезли на берег.

— Ешь, Петрович, хлебушка, запаса хватит.

— Нет, сыны, вам-то дальше идти надо, про запас бережите. Мне-то все равно, так пробьюсь, божьей благодатью пропитаюсь. Побоялись казаки оставить Аввакума Петровича одного и сказали ему:

— Будь ты нашим отцом верным. В походах молитвы творить будем, езжай с нами.

Протопоп согласился. С тех пор он вместе с казаками всю Сибирь прошел, до самого океана дошагал. Под старость лет Аввакуму нелю-

¹⁰ Записано от Анисима Авдеевича Прозорова, с. Никольское Мухоршибирского аймака Бурятской АССР, 1936 г. «Я здесь, в Забайкалье, с детства живу, — говорит сказитель. — Мне теперь коло 90 лет. Этот рассказ я давно, давно слышал. Тут один поседенец жил, так он меня разным сказкам учил, от него я и этот рассказ слыхивал. Другие мужики тоже про Аввакума много говорили, он ведь, поди, за нас страдал, одному-то ему много ли надо было. Тут каждое лето после жнитвы у нас в церкви ему поминание делали». Записи хранятся у собирателя.

готу стали походы, и начал он проситься в свою старую деревню под Москву, на покой пойтить.

Поехал Аввакум в Россию. Дорогой его старый и малый встречал, хлебом-солью кормили. Донесли про то царю, что Аввакума шибко народ почитает. Царь указ дал: «Отправить протопопа в крепость, посадить на цепь, и пусть там в темнице перед богом грехи замаливает». То царь нечистый неправ был. Грехи-то не у Аввакума были, а у царя-злодея.¹¹

Немало преданий об Аввакуме бытовало и среди старообрядцев Тарбагатайского аймака. В конце 30-х годов от них записано несколько текстов. В наиболее распространенном варианте предания рассказывается о том, как Аввакум попал в Сибирь.

После раскола Аввакума в Москве не оставили. Царь боялся, что вместе со старой верой могут и его сбросить. Алексей Михайлович, царь Московский, подговорил своих бояр и те втихаря залучили Аввакума в одну церковь, связали его по рукам и ногам, увезли к казакам, да наказ им дали, чтобы отвезти протопопа в Сибирь, как каторжного. Бояры боялись Аввакума не меньше царя. Да как же его было не бояться: весь бедный народ за ним шел, он за бедных стоял и жизни своей не жалел.

В Сибири в то время не только каторжных не было, но и русских маловато значилось. Протопоп Аввакум первым каторжником был, он первый тут цепями звенел и первым в колодках ходил.

Казаки узнали, кого они привезли за Байкал, только тогда, когда они Аввакума сдали на руки воеводским начальникам. А те, известное дело, были палачами с большой дороги. Если бы казаки узнали пораньше, что они везут Аввакума, то они его бы непременно отпустили.

Много время Аввакум мотался дорогой и на третий год добрался до Уды. Тут, где теперь Верхнеудинск стоит, протопоп перебрался через реку, и повезли дальше. Зима застала протопопа в летнем платье. Остановился Аввакум у бурят около Селенги и стал тут жить. Бурятская юрта ему не в понраву пришла, и сказал он казакам, что его охраняли, чтобы дом начать строить. Леса тут полно, у казаков по работе руки чесались, они скоро дом такой срубили, что всем на заглядение. Буряты на тот дом, как на диковину, смотрели, они впервые такое видели, сбежались к дому со всех степей. Прозимовал Аввакум в этом доме, а весной повезли его на Шилку. Долго ли он там прожил, не знаю, только вскоре царь смилостивился и сказал, чтобы Аввакума назад в Москву вернули. Когда Аввакум ехал назад, то около дома против Селенги, где он зиму зимовал, уже деревня выросла, и стала она прозываться Тарбагатаем.

Через сто лет после Аввакума в эту деревню Тарбагатай раскольников из Польши пригнали и сказали им:

— Здесь жил ваш Аввакум, он и деревню зачал, вам ее и дальше строить надо.

Почали раскольники деревню расстраивать и так расстроили, что теперь пешком за целый день не обойдешь.

¹¹ Записано от Петра Семеновича Никитина, с. Мухор-Шибирь Бурятской АССР, 1938 г. В год записи сказителю исполнилось 62 года, неграмотный, бывалый охотник и золотискатель. Знал большое количество духовных стихов. «Сказки о разных святых и угодниках, об Аввакуме и его протопопнице я слышал от своих земляков из Шаралдая. Некоторые мужики про протопопа шибко много рассказать могут. Вот одного про Власа Панфиловича помню, так он об Аввакуме раз до того рассказывал, что его дён десять в Верхнеудинской тюрьме держали». Запись хранится у собирателя.

Так-то наши старики рассказывали, как Аввакум в Сибирь попал и потом как по его следу других раскольников в Сибирь сослали. По всему видно, что Аввакум не только в книгах богослужебных разбирался, но и в хозяйстве крестьянском толк знал. Место для нас доброе выбрал: лес близко, вода рядом, зверь в тайге всякий водится, разного добра: ягод, орех — хоть лопатой гребь. Старики-то не зря добрую славу об Аввакуме несли. Он и в России о мужиках пекал, и здесь в Сибири о нас позаботился.¹²

В другом предании, записанном в Тарбагатайском аймаке, говорится:

Аввакум попал в Сибирь неспроста. Он в Москве в большом почете ходил. Когда на Руси раскол начался, он на себя всю защиту старой веры взял, за это и пострадал на всю жизнь. Сначала его под Москвой в каменном сыром подвале держали. Там он свои книги писал и разные воззвания к народу, чтобы он никоновскую веру поручал и по новым книгам не молился. Царь понял, что вся смута от Аввакума идет, взял да и отправил в Сибирь, пусть там его, мол, на съедение волком бросят. Повезли Аввакума по всей России, а народ ему везде раскланивается. Царь велел на его маску черта с рогами надеть, чтобы его никто не узнавал. Одели на него такую маску, а народ и через нее Аввакума узнавал. Оно верно, что золото и в грязи блестит.

Дорогой Аввакума другой конвой нагнал. Тот конвой в Сибирь другого каторжника гнал, звали его Демьяном многогрешным. Признакомились оба колодника, рассказали друг дружку пор свое житье-бытье и дали слово, чтобы в беде по одиночке друг дружку не оставлять.

Пригнали Аввакума к Ангаре, тут казаки плоты сделали и начали через Байкал переплывать. Демьян с Аввакумом на разные плоты попали. Аввакум-то вперед поплыл. День плывут хорошо, на другой такая погода поднялась, что света божьего не видно. Заматало, закрутило плот, все поугорели и в безпамятстве остались. Один Аввакум только на плоту стоял и за всех богу молился. На пяты сутки Аввакума выбросило около Прорвы, где теперь недалеко Посольский монастырь стоит. Никого, кроме Аввакума, живых не осталось. Глядит он — перед ним одна степь да тайга. Что делать? Разобрал Аввакум плот, построил себе избенку и стал жить промыслом. Рыбы тогда в Байкале было столько, что ее руками без снастей можно было ловить. Так бы и жил один Аввакум в степи, да тут буряты узнали про нового человека и пришли к нему. Он их хлебом угостил, они ему мясо на варево дали. Так он около бурят и прижился.

Прошло много дней; видит Аввакум — к его берегу плот прибывает. Он огонь розжег. К вечеру плот прибило. На плоту один-одиношенок только Демьян многогрешный остался. Зажили они вдвоем без горя и нужды. Однако долго-то жить так не удалось. Расчихало начальство о двух отшельниках, прислало за ним казаков. Те связали их, по Селенге вверх на плотах подняли. Демьяна на поселение тут недалеко в Селенге оставили, а Аввакума на Нерчинску каторгу свезли. Сколько его там смертным боем ни били, а от своей веры от-

¹² Записано от Демида Ивановича Трифонова, с. Тарбагатай Тарбагатайского аймака Бурятской АССР, 1938 г. Всю свою жизнь этот глубокий старик прожил в родном селе Тарбагатае. Он знал много духовных песен и стихотворений, прекрасно рассказывал об истории раскола. О приведенном предании сообщил: «Слыхал в мальчишестве, с тех пор его часто нашим мужикам приходилось говорить. В нем истина вся, все правда». Запись хранится у собирателя.

лучить не могли. Вот каким был наш Аввакум, царство ему небесное, добрый человек во веке вечные живет и никто его не забудет.¹³

Следует отметить, что это не единственное предание, где указывается, что Аввакум был первым русским жителем на восточном берегу Байкала. Об этом же говорится и в преданиях, которые бытуют у старообрядческой части населения Прибайкалья. В частности, один из любителей старины, прекрасный знаток местных преданий, потомственный рыбак из с. Посольское, Кабанского аймака Василий Дмитриевич Зорин рассказывает:

Первый русский домик на этом берегу Байкала поставил протопоп Аввакум Петрович. Он сюда был сослан за раскол веры. Домик тот стоял больше сотни лет около самой Прорвы, у Сора. Теперь его нет. Старики раньше даже то место, где стоял домик, аввакумовским плесом называли. На том месте, где Аввакума из Байкала выбросило, крест стоял. Назывался этот крест «Во имя святого спасения». Он руками самого Аввакума был поставлен. То место и теперь заметно.¹⁴

Такое же предание записано от жителя с. Максимихи Баргузинского аймака Филата Егоровича Горбунова.

В молодости весь берег Байкала кругом обошел. На нем много пометных мест есть. Вот около Прорвы, у Посольского монастыря, стоял раньше крест «Во имя святого спасения». Этот крест ставил сам протопоп Аввакум. Об этом раньше казаки сами всем рассказывали. Буряты тоже говорили, что первый русский поп здесь жил, такой добрый, что не в сравнении с жадными посольскими монахами. Аввакум не только крест поставил, но и дом построил. Это был первый дом в этих краях. Кабанские буряты с тех пор такие же дома себе строить зачали. Мой дед помнил, как этот дом стоял, к нему они годами на моленье ходили. Говорят, его монахи снесли, он у них доход отбивал.¹⁵

Таким образом, из публикуемых здесь преданий видно, что имя Аввакума вошло в фольклор старообрядческого населения Забайкалья, а через него стало известным и за пределами старообрядческой среды. Наряду с религиозно-легендарными мотивами в них присутствуют также интересные реальные подробности, достоверность которых может быть установлена специальным исследованием. Главная же ценность этих преданий — в отражении восприятия Аввакума простым народом, зачастую далеким от тех представлений, которые складывались в фанатически настроенной старообрядческой среде.

¹³ Записано от Николая Васильевича Федорова, с. Ганзурино, 1938 г. В конце предания сказитель указывает, что Демьян многогрешный впоследствии снова встретился с Аввакумом на Селенге и что они якобы вместе участвовали в отражении набегов монголо-маньчжурских ханов. За честную службу будто бы «царь простил все вины и разрешил Демьяну и Аввакуму вернуться в родное место». Запись хранится у собирателя.

¹⁴ Запись произведена в 1950 г.

¹⁵ Записано в 1946 г.